

«Покойся, милый прах, до радостного утра!»
*О семантике и литературной судьбе
эпитафии Н.М. Карамзина*

© Д. Н. ЖАТКИН,
доктор филологических наук

© Н. Л. ВАСИЛЬЕВ,
доктор филологических наук

В статье анализируется восприятие и контекстное использование эпитафии Н.М. Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра!» (1792) в русской литературе и письменно-бытовой культуре XVIII–XX веков

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, русская литература, эпитафия, реминисценции, цитаты, смыслы.

The article deals with the perception and contextual use of N.M. Karamzin's epitaph «Rest, my dear ashes, until the joyful morning!» (1792) in Russian literature, in writings and everyday life of XVIII–XX centuries.

Key words: N.M. Karamzin, Russian literature, epitaph, reminiscences, quotes, meanings.

В 1792 году в «Московском журнале» был напечатан ряд эпитафий Н.М. Карамзина с пояснением автора: «Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двухлетней дочери ее. Я предложил ей на выбор следующие пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе». Эпитафия представляла

собой уникальный по лирической энергии моностих: «Покойся, милый прах, до радостного утра!». Поэт, отбросив, подобно скульптору, все лишнее в исходном материале, оставил концентрат чувства, изысканного глубинного смысла и изящной сентиментальной формы. Приблизиться к пониманию этого текста помогают другие эпитафии из карамзинского цикла, в особенности третья: «В объятиях земли покойся, милый прах! / Небесная душа, ликуй на небесах!».

Близкий друг поэта А.А. Петров сообщал Карамзину 19 июля 1792 года: «Из надписей твоих последняя... нравится мне отменно, как в сравнении с прочими, так и сама по себе. Я поцеловал бы за нее сочинителя... Она проста, нежна, коротка и учтива к прохожему... И.И. Д<митриеву> нравится она также больше прочих» [1].

Анализируя это экспериментальное стихотворение, основанное на «минус-приемах», то есть последовательном – в ряду предшествующих вариаций скорбной надписи – отказе от почти всех «признаков поэзии, кроме ямбических стоп», Ю.М. Лотман заключает: «...читатель безошибочно чувствует поэзию... автор... утверждает мысль, что сущность поэзии вообще не в ее внешней структуре...» [2].

Эпитафия, привлекавшая своей смысловой недосказанностью, вскоре стала «прецедентным» текстом, порождавшим реминисценции, аллюзии, перепевы, например (Курсив здесь и далее наш. – Д.Ж., Н.В.): «*Покойся, милый прах, покойся / До светлой радостной зари! / Тогда дверь тяжку отвори / И шествуй к небесам... не бойся!*» (Г.П. Каменев. К П.С.Л.Р., 1796) [3. С. 444]; «*Оставить жизнь, сойти во гроб / И там навеки съединиться / С тобой, дражайший милый прах!*» (М. Олешев. Лотрек. Из песней Оссиана, 1803) [Там же. С. 349]; «*Покойся, милый прах; твой сон завиден мне! / В сем мире без тебя, оставленный, забвенный, / Я буду странствовать, как в чуждой стороне...*» (В.А. Жуковский. На смерть А<ндрея Тургенева>, 1803); «*Поплачу над землей сырою, / Сокрывшею мне милый прах!*» (Н.И. Гнедич. На гробе матери, 1805); «*Покойся, милый прах, под липою густою! / Тебя в молодых летах от нас похитил рок!*» (П.М. Головин. Эпитафии М.И. А-ву, 1810) [4. С. 161]; «*Покойся, милый прах, до радостного дня, / В который мать, отец обнимут вновь тебя!*» (А.А. Писарев. Эпитафия Федору Алексеичу Титову, 1811) [Там же. С. 225]; «*Покойся, прах, столь сердцу драгоценный! / Пускай Творец всея вселены / Твой примет с миром кроткий дух!*» (И.С. Сибиряков. «Над... П... Ив... », 1819) [Там же. С. 231]; «*Покойся, милый сердцу прах! / Покойся: души всех незлобных / Младенцев, ангелам подобных, / Наследят царство в небесах!*» (А.Е. Измайлов. Надгробие младенцу, 1821) [4. С. 221]; «*Покойся, милая, над урною печальной, / <...> / Здесь прах – душа давно на небе обитает!*» (Д.П. Ознобишин. Две эпитафии, 1829) [Там же. С. 261]; «*Покойся, милый прах, до радостного утра, / Душа твоя восстанет в блаженстве завтра!*» [5].

Некрологический шедевр Карамзина, естественно, стал тиражироваться и на надгробиях, чему способствовала его афористическая краткость. Так, на могиле брата А.С. Пушкина была размещена плита

с надписью: «Здесь положено тело младенца Платона Пушкина, родившегося 1817 года... скончавшегося 1819-го года... *Покойся, милый прах, до радостного утра*» [6]. Более того, знаменитая эпитафия распространилась и за границами Российской империи. Например, О.М. Сомов общал о ней, посетив парижский некрополь «Пер-Лашез»: «На том же кладбище нашел я одну только русскую надпись. Она высечена на каменном кресте: “1818 года, ноября 14/26, преставился младенец Василий Небольсин”. И на другой стороне креста: “*Покойся, милый прах, до радостного утра*”. Признаюсь, никогда еще сей стих г. Карамзина не делал на меня столь сильного впечатления» [7].

Использовалась она и в бытовой письменной культуре, например в дневниках А.И. Тургенева: «Мир праху твоему, друг милый, блаженная тень, которую и в этом мире видел я только в отблеске ее добродетелей и нежной ко мне дружбы – храни меня *до радостного утра!*..» (7 сентября 1825 г.); «Догорающие уголья и крикун с улицы напоминают мне, что уже half past 12! *До радостного утра*, друзья мои! А тебя, добрый квакер, благодарю и за весь день и за этот тихий вечер у моего камина...» (30 января 1826 г.) [8].

Сообщая 1 февраля 1837 года А.И. Нефедьевой об организации похорон А.С. Пушкина, А.И. Тургенев воспользовался памятным текстом – устанавливая незримую связь грядущего печального акта с лирическим творчеством автора «Истории государства Российского»: «В 11 часов будет отпевание, и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он желал покоиться – *до радостного утра!*» [9].

Для многих писателей карамзинские некрологические образы стали знаками, сигналами литературной преемственности, например: «Но песнь мою, души преданье / О светлых, безвозвратных днях, / Прими, Денис, как возлиянье / На прах твой, сердцу *милый прах!*» (П.А. Вяземский. Эперне (Денису Васильевичу Давыдову), 1838, 1854); «Под тем холмом почует дева – / Твоя, о юноша, любовь! / Здесь *милый прах...*» (В.Г. Бенедиктов. Могила, 1839).

Воспринималась эпитафия Карамзина и в христианско-метафизическом ее подтексте. В 1878 году в «Автобиографическом введении» к «Полному собранию сочинений» П.А. Вяземский мужественно писал: «Без суеверия и страха... я выступаю с литературными регалиями своими на прощание с авторскою жизнью... Эти регалии улягутся на подушках, которые будут сопровождать мой гроб. (...) Скажу, что Карамзин сказал в надгробной надписи... в год рождения моего... “*Покойся, милый прах, до радостного утра*”. Я верую в *утро* и в воскресение мертвых, следовательно, и в свое» [10].

В 1830-е годы эпитафия, вследствие растиражированности, стала осмысляться и иронически, о чем с грустью поведал малоизвестный автор-очеркист: «В этот день я был долее обыкновенного на кладбище... читал послания к мертвым... Более всякой встречается эпитафия незабвенного Карамзина (...) *Покойся, милый прах, до радостного утра!* Люди частым повторением так износили, истерли эту прекрасную надпись, что она совершенно потеряла прекрасный смысл свой. Ее встретишь над прахом

лихоимца, над могилою человека, по котором получили давно жданное наследство, над гробом врага, над телом ненавистного жене мужа» [11].

Не обошел ее вниманием и В.Г. Белинский, вспоминая в статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) о «Потерянном рае» Мильтона, «Мессиаде» Клопштока и язвительно констатируя: «О наших российских “идах”, “адах” и “ядах” нечего сказать, кроме: *“Покойся, милый прах, до радостного утра”*...» [12].

Младший из братьев Достоевских – Андрей вспоминал о захоронении безвременно умершей в 1837 году матери: «Они оба [Михаил и Федор] решили, чтобы обозначено было только имя, фамилия, день рождения и смерти, на заднюю же сторону памятника выбрали надпись из Карамзина: *“Покойся, милый прах, до радостного утра”*... И эта прекрасная надпись была исполнена» [13]. Однако мемуарист не вполне точен, поскольку на указанном надгробии имелись две евангельские цитаты, а текст карамзинской эпитафии на левом торце памятника предварялся словами: «Другу милому, незабвенному, супруге нежной, матери попечительнейшей» [14].

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» Иволгин рассказывает князю Мышкину о фантазиях их знакомого – Лебедева, которому, по словам последнего, в 1812 году французский артиллерист «отстрелил... ногу, так, для забавы», «...он [Лебедев] ногу эту... похоронил... на Ваганьковском кладбище... поставил над нею памятник, с надписью с одной стороны: “Здесь погребена нога коллежского секретаря Лебедева”, а с другой: *“Покойся, милый прах, до радостного утра”*, и... служит ежегодно по ней панихиду (что уже святотатство)...». Соотнесенность биографической и литературной рефлексии, связанной с интерпретацией карамзинской эпитафии классиком, комментировалась литературоведами по-разному, прежде всего в аспекте пародии и автопародии [15; 16]. На наш взгляд, Достоевский, при всей его «полифонии» и «двойной оптике», обыгрывает не «возвышенный стиль Карамзина» (Д. Куюнжич), а мемориальный штамп, особенно обращавший на себя внимание в постромантическую эпоху. В «Преступлении и наказании» (эпизод последней встречи Раскольникова и Свидригайлова) тоже можно отметить соответствующую аллюзию: «Вам направо, а мне налево или, пожалуй, наоборот, только – adieu, mon plaisir, *до радостного свидания!*». Интересующая нас эпитафия фигурирует и в рассказе Достоевского «Бобок» (1873), где повествователь слышит фантазмагорический диалог покойников: «Я нагнулся и прочел надпись на памятнике: “Здесь покоится тело генерал-майора Первеедова...”. Гм. “Скончался в августе сего года... пятидесяти семи... *Покойся, милый прах, до радостного утра!*». В.В. Розанов, цитируя в статье «О древнеегипетской красоте» (1899) указанные строки, вопрошал: «Вы чувствуете, что это – свидригайловские “пауки”?» [17].

Карамзинские аллюзии содержатся во многих литературных произведениях второй половины XIX века, чаще по линии *радостного утра* как оптимистической перифразы ухода в иной мир или возрождения, перевоплощения чего-либо, например: «...мой бессвязный и прерывчатый дневник, бедная отрада моей скуки, покойся впредь до усмотрения. *“Покойся,*

милый прах, до радостного утра”... Приведется ли мне увидеть в тебе более веселые строки?...» (И.С. Никитин. Дневник семинариста, 1858—1860) [18]; «Он [Карась] при смерти... Родная семья плачет около его постели и прощается с ним “до радостного утра”» (Н.Г. Помяловский. Очерки бурсь, 1862); «...когда отпевавшее духовенство удалилось, о. Евфим с преданными ему двумя друзьями... похоронили покойницу в могиле... под алтарем. (...) Потом пол опять застлали, и след погребения исчез навсегда, “до радостного утра”» (Н.С. Лесков. Печерские антики, 1883) [19].

Постепенная фразеологизация исходно скорбной карамзинской формулы *до радостного утра* привела к ее употреблению в ином смысловом качестве — в непринужденно-шутливых контекстах, в частности при описании сна, беспорядочного пьянства, иногда нелепой смерти: «Груня (...) (*Кивает головой.*) Баеньки, до радостного утра!» (И.И. Лажечников. Окопировался, 1854) [20]; «Брат Жозеф после ежевечернего исчезновения... скромно и тихо возвращался восвояси... и тотчас же засыпал мертвым сном *до радостного утра*» (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864—1866); «...а пока... принялись кончать жженку. (...) Попробовали поднять Козликова, но все усилия разбудить его остались без успеха; Горич торжественно произнес над ним: “*Покойся, милый прах, до радостного утра*”...» (А.Н. Апухтин. Неоконченная повесть, 1888) [21]; «Конечно, прикончился!.. (...) прилег эдак к рельсу удалой головой — и прощайте, братцы-товарищи, *до радостного утра!*» (Н.Н. Златовратский. Мечтатели, 1893) [22].

Ярким примером включения эпитафии в социально-сатирический контекст является эпизод из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», когда Порфирий (Иудушка) обнаруживает в «календаре» поминальный листок с записью: «23 ноября. Память кончины милого сына Владимира. *Покойся, милый прах, до радостного утра!* и моли бога за твоего Папу, который в сей день будет неуклонно творить по тебе поминовение и с литургиею» — после чего резонерствует: «Вот тебе и на! (...) ах, Володя, Володя! не добрый ты сын! дурной! видно, не молишься богу за папу, что он даже память у него отнял! как же быть-то с этим, маменька?».

В очерках «Остров Сахалин» А.П. Чехов обращает внимание на одну из могил: «На кресте, где похоронен ссыльный фельдшер, стихи: “Прохожий! Пусть тебе напомнит этот стих, / Что всё на час под небесами, и т.д.”. А в конце: “Прости, товарищ мой, *до радостного утра!*”». Е. Федоров». Известный автор сначала процитировал шутливую «Эпитафия эпитафиям» И.И. Дмитриева («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих, / Что всё на час под небесами: / Поутру плакали о смерти мы других, / А к вечеру скончались сами», 1803), сочиненную последним в качестве иронического подведения итогов конкурса, по предложению Карамзина, на лучшую эпитафию И.Ф. Богдановичу [23], а потом перефразировал... и моностих Карамзина.

А.В. Амфитеатров при цитировании этой эпитафии, ставшей к концу XIX века едва ли не анахроническим эстетическим курьезом, дважды актуализует ее юмористический подтекст: «Глаза слипались, в голове бродила коварная мысль. “А не развернуть ли мне “Новое Время” или “Новости”

да, прикрывшись ими вместо простыни, не задать ли хорошего храповицкого?” (...) Еще минута, и... Нирвана! “*Покойся, милый прах, до радостного утра!*”» (Курортный муж, 1893); «Князь являлся к Чуйкиной раньше всех... не переставал говорить до самого конца обеда. Ел и пил он изумительно много, но пьянел лишь после ликеров, прекрасно знал это и умел выдерживать себя прилично... незаметно удалялся от общества в кавказский кабинетик и пластом валился на мутаки (диванные подушки. — Д.Ж., Н.В.), украшенные в честь его надписью собственноручной вышивки Чуйкиной: “*Покойся, милый прах, до радостного утра!*” Час спустя, князь просыпался здоровым и свежим, как новорожденный младенец» (Умница, 1890-е) [24].

«До радостного утра» прощаются и герои произведений И.С. Шмелева: «“Я предложил... как знаете... Ну-с, прощайте, *до радостного утра!*”» (Человек из ресторана, 1911); «Сказали шепотком — “прощай покуда, Мартынушка, *до радостного утра!*...” — домой торопиться надо» (Лето Господне).

В повести А.М. Ремизова «Пятая язва» (1912) в рассуждениях персонажа, думающего о смерти, используется та же карамзинская формула: «И что он скажет Марье Северьяновне? Воздвиженский-то свой зарок нарушил, не сдержал слова! (...) И было б всего лучше ему после именин протопоповских вовсе не проснуться, так и почить бы сном *до радостного утра!*» [25].

В повести Ф.Д. Крюкова «Неопалимая купина» (1913) герой видит памятник с хорошо знакомой полуцитатой: «Здесь *до радостного утра* воскресения *покоится* телом, а в Бозе духом и верою купеческого сына жена Пелагея Васильевна Козлова» [26].

М.М. Пришвин оставил в дневнике (29 августа 1918 г.) интимную запись, отражающую семантическую трансформацию второй части эпитафии, намеченную еще предшественниками писателя: «Как же сложно теперь с легким сердцем показаться на глаза другу. Ясно, что нужно сидеть, дожидаться, пока позовут, и как будет эта встреча, с ложью — мучительно, невыносимо, объяснение до конца... весьма трудно. Исход, мне кажется, один: перерыв отношений “*до радостного утра!*”» [27].

А.Т. Аверченко в рассказе «Первый анекдот обо мне» (1915) пересказал литературный анекдот: «Покойный поэт Минаев отличался замечательным искусством говорить экспромты. Вот один из лучших... сказанный на похоронах известного в то время железнодорожного строителя М., отличавшегося всем известной слабостью к слабому полу... Именно, увидев погребальную колесницу с трупом покойника, он сказал находившемуся тут же актеру Б., большому любителю кутнуть и приятелю начинавшего входить в моду Достоевского: “О, человече! Был ты глуп — / Теперь лежит пред нами труп. / *Покойся, милый прах, до радостного утра,* / Пока червяк не съел твое все нүтро”» [28].

В поэзии писателей Серебряного века и отчасти их предшественников, тем не менее, устойчиво воссоздавался культ «милого праха», хотя и на несколько иной эстетической почве: «Вот в обмен / За *милый прах* земля что возвратила» (Н.М. Минский. На кладбище, 1883) [29]; «Он осужден развезть прах священный, / Ковчег разбить, / Но *милый прах*, в забвеньи

незабвенный, / Казнясь, любить!» (В.И. Иванов. Воплощение, 1902) [30]; «Глядишь на светлого виденье / И видишь в синих парусах / Ушедшей юности волнение, / Былого счастья *милый прах*» (С.М. Городецкий. «Под вечер жизни, в час унылый...», 1907) [31].

В «Котловане» А.П. Платонова, вероятно, тоже присутствует отголосок знаменитой эпитафии: «Он уснул, незнакомый этим людям, закрывшим свои глаза, и довольный, что около них ночует, — и так спал, не чувствуя истины, *до светлого утра*»; «Чиклин лег рядом с ним и успокоился *до более светлого утра*» [32].

Итак, уникальная по поэтической архитектонике эпитафия Карамзина привлекла внимание писателей самых разных эпох и литературных направлений; вошла в быт, будучи запечатленной на многих надгробиях [см. также: 33]. Ее эстетические функции и смысловые обертоны существенно варьировались. Закономерно, что самое лаконичное произведение поэта, чье 250-летие со дня рождения отмечалось в 2016 году, стало крылатой фразой, то есть почти народным достоянием [см., например: 34; 35]. Фразеология такого вторичного плана дополняет представления о языке поэта [36].

Литература

1. Письма А.А. Петрова к Карамзину: 1785—1792 // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л., 1984. С. 511.
2. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 38—40.
3. Поэты-радищевцы / Вступ. ст., биографические справки, сост. и подгот. текста П.А. Орлова. Л., 1979.
4. Русская стихотворная эпитафия / Вступ. ст., подгот. текста и прим. С.И. Николаева, Т.С. Царьковой. СПб., 1998.
5. Описание рукописного отдела БАН СССР. Стихотворения, романсы и драматические сочинения: XVII — первая треть XIX в. / Сост. И.Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2. С. 221.
6. Гейченко С.С. Пушкинские горы: Краткий путеводитель. Л., 1965. С. 10.
7. Сомов О.М. Прибавление от переводчика (к статье «О надписях. Из соч. г-жи Жанлис») // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 18. С. 399.
8. Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / Изд. подгот. М.И. Гиллельсон. М. — Л., 1964. С. 300, 419.
9. Новые материалы для биографии Пушкина (Из Тургеневского архива) / Публ. и предисл. А. Фомина // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 65.
10. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. В 12 т. СПб., 1878. Т. 1. С. III.

11. Шлехтер Ал. Жертва порока. Сцены из городской жизни // Библиотека для чтения. 1834. № 5. С. 161.
12. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 37.
13. Достоевский А.М. Воспоминания. Л., 1930. С. 80.
14. Захаров В.Н. Памятник как текст, или Послание братьев Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2014. Вып. 1/2. С. 6–9.
15. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 215.
16. Куюнжич Д. Пародия как повторная переработка (литературной) истории // Новое лит. обозрение. 2006. № 80. С. 85.
17. Розанов В.В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 38.
18. Никитин И.С. Соч. В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 115.
19. Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 211.
20. Лажечников И.И. Собр. соч. В 6 т. М., 1994. Т. 6. С. 108.
21. Апухтин А.Н. Сочинения: Стихотворения. Проза. М., 1985. С. 309.
22. Златовратский Н.Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки. М., 1988. С. 549.
23. Макогоненко Г.П. Примечания // Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 457.
24. Амфитеатров А.В. Собр. соч. В 8 т. М., 2010. Т. 6. С. 490, 541.
25. Ремизов А.М. Собр. соч. В 10 т. М., 2001. Т. 4. С. 243.
26. Крюков Ф.Д. Неопалимая Купина // Рус. богатство. 1913. № 2. С. 103.
27. Пришвин М.М. Дневники. [Кн. 2]. 1918–1919. М., 1994. С. 208.
28. Аверченко А.Т. Чудеса в решете. Пг., 1915. С. 59–60.
29. Минский Н.М. Стихотворения. СПб., 1883. С. 193.
30. Иванов В.И. Собр. соч. В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 520.
31. Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 167.
32. Барит К.А. Антропософия А. Платонова // Начало века: Из истории международных связей рус. лит. СПб., 2000. С. 173.
33. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков. СПб., 1999.
34. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. 4-е изд. М., 1987. С. 272.
35. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. В 2 т. Магнитогорск, Greifswald, 2009. Т. 2. С. 211.
36. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М., 2016.

*Пензенский государственный
технологический университет*

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева*